

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ: ПОИСК НОВЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Конец XX века стал периодом грандиозных изменений для нашего общества. Анализ и осмысление их ещё предстоит совершить в исторических исследованиях и сознании людей, переживших развал Советского Союза с его коммунистической идеологией, переход от плановой социалистической экономики к рыночной и пересмотр многих принципов и ценностей, являвшихся безусловными в предыдущие годы.

Перемены в общественно-политической жизни страны оказали огромное влияние на все сферы жизни общества. Эти перемены не могли обойти стороной как социально-гуманитарные науки в целом, так и историческую науку в частности.

Советская историческая наука находилась в рамках учения классиков коммунистической идеологии: Маркса, Энгельса, Ленина и, до знаменитого выступления Н.С. Хрущёва на XX съезде партии, Сталина. История играла важную роль для коммунистической идеологии и пропаганды. Исторические исследования обосновывали прогрессивность коммунистического пути развития по отношению к капиталистическому, которым шли страны враждебного Советскому Союзу и его союзникам блока НАТО. Но начиная с провозглашения нового курса КПСС, свободы слова и гласности в середине 80-х годов прошлого века начался отход от господства коммунистической идеологии. Стало возможным обсуждать и критиковать основы марксизма-ленинизма, всплыли недостатки господствующей методологии истории, базирующейся на формационном подходе. С этого момента начались разговоры о кризисе отечественной исторической науки, достигшие своего пика после развала СССР.

На тему кризиса истории стали высказываться многие видные учёные, причём не только историки, выходили статьи, собирались "Круглые столы". А ведь в это же время в обществе значительно возрос интерес к истории, в первую очередь отечественной, у историков появилось больше возможностей для свободного выражения своих идей, стали известны засекреченные ранее факты. Казалось бы, открывались новые возможности для исторических исследований. Но остро встал вопрос о методах исторической науки. Критика марксистско-ленинской методологии нарастала, и всё больше учёных не желало находиться в её узких рамках. Поднимался вопрос о том, есть ли перспективы у этой методологии, или от неё следует полностью отказаться. Но какую методологию выбрать вместо марксистско-ленинской, на что опереться в научном исследовании? Какой подход к истории более объективный: формационный, цивилизационный, миросистемный, какой-либо другой? А может ни один подход не может быть главенствующим, и при историческом исследовании следует комбинировать методы различных подходов?

Учёные дают разные ответы на эти вопросы, но большинство сходится во мнении, что кризис отечественной исторической науки конца XX века был вызван кризисом марксистско-ленинской методологии. Объединяло учёных "понимание кризиса как кризиса теории и методологии и восприятие происходящих перемен как угроза депрофессионализации исторического знания" [6, с. 52]. Кризис "отечественной историографии, – пишет член-корреспондент РАН А.А. Искендеров, – в главном и основном порождён кризисом марксизма..." [3, с. 8. 11].

Доктор философских наук В.М. Межуев считает, что "кризис исторической науки – это прежде всего мировоззренческий кризис, вызванный в нашем случае резким разрывом с марксизмом, который долгое время заполнял собой мировоззренческий вакуум, давал историку определённую мировоззренческую ориентацию. Собственно и весь сегодняшний разговор сводится к одному – чем можно заменить марксизм и исторический материализм?" [1, с. 62]. Далее Межуев пишет, что отказ от старого мировоззрения происходит в данном случае не столько по личным причинам, обусловленным переосмыслением своих взглядов, сколько вынужденно, из-за изменения политической ситуации и давления внешних факторов [1, с. 62]. С этим утвержде-

нием трудно полностью согласиться, так как некоторые историки отказались бы и раньше от марксистского подхода к истории, но до политических перемен у них не было возможности это сделать открыто. Ведь несмотря на господство марксистско-ленинской методологии в нашей стране выходили некоторые труды скорее в духе позитивистских взглядов, чем марксистских. Учёные шли на хитрость, вставляя обязательные на тот момент ссылки на классиков марксизма-ленинизма, они просто обрывали их цитаты напополам.

Доктор философских наук Ю.К. Плетников высказался следующим образом: "В методологическом плане истоки кризиса философии истории, историографии, как и обществознания в целом, надо, с моей точки зрения искать в абсолютизации монистической трактовки обществознания, крайней идеологизации познавательного процесса" [1, с. 66], полагая, что марксистская теория исторического развития, как и марксизм в целом, была возведена в ранг религиозной догмы, под которую подгонялась вся многообразная история человечества [1, С. 66].

О методологических причинах кризиса истории пишет и А.Н. Поляков: "В наше время многие говорят о кризисе исторической науки в России. Столь тяжёлое её состояние вызвано, в первую очередь, неожиданным разрывом с марксизмом, который последовал за гибелью СССР" [7, с. 3].

Очень резко о событиях произошедших в обществе и исторической науке высказалась в своей статье доктор исторических наук, профессор Московского государственного педагогического университета Н.А. Проскуракова: "Социально-политические изменения второй половины 1980-х годов выявили несостоятельность социального проекта, частью которого являлась и историческая наука, выполнявшая важную функцию легитимации социального и культурного порядков советского общества. Это не могло не привести к кризису самой науки" [8, с. 153].

В этой цитате мы видим не только научные взгляды автора, но и политическую позицию. И это нередкое явление, когда политическое неприятие марксизма переносится и на неприятие марксизма как научного течения. Особенно это было распространено в первые годы после развала коммунистического строя, когда критика всего, что связано с советским периодом нашей страны была чрезвычайно сильна. Это мешало объективно оценивать плюсы и минусы марксистской методологии истории, что отмечает известный отечественный историк В.И. Кузищин: "Современная острая критика марксизма это естественная реакция на длительное его господство как официальной идеологии" [1, с. 83]. Но Кузищин совершенно справедливо замечает, что в рамках марксистской методологии были созданы замечательные исторические труды, и именно в рамках этой теории наукой было сосредоточено внимание на некоторых аспектах общественной жизни, которые ранее оставались неразработанными. При этом Кузищин согласен с тем, что у марксистской теории выявилось множество слабых мест, она устарела и необходимы новые подходы к историческим исследованиям. Однако он не считает, что поиск новой теории следует считать кризисом: "Можно ли рассматривать процесс смены одной господствующей концепции какой-либо другой как кризис исторической науки, как её распад и уничтожение? Напротив, по нашему мнению, это естественный процесс саморазвития науки" [1, с. 81]. Кузищин отмечает, что поиски оптимальной теории исторических исследований идут не только у нас, но и в зарубежной науке. Но он не считает это кризисным явлением, а нормальным соперничеством различных школ и фактором способствующим развитию науки [1, с. 81-82].

Однако следует отметить, что за рубежом это соперничество продолжается десятилетиями, в результате чего смогли развиваться различные теории, а отечественные историки всё это время были ограничены рамками марксистско-ленинской методологии и теперь вынуждены в поисках новой генерализирующей линии обращаться к работам зарубежных авторов из-за практически полного отсутствия собственных разработанных подходов к изучению истории. Были, конечно, очень интересные исследования отечественных дореволюционных историков, но в советское время они были отвергнуты и лишь с конца XX века к ним обратились в поисках методологии, способной сменить марксистскую. В этом специфика отечественной исторической науки.

Но нельзя не согласиться с Кузищиным, когда он называет некорректным давать характеристику состояния советской историографии, как застойной, не замечая этапов её развития. Сам

Кузищин выделяет следующие этапы: Начало 30-х годов – восстановление системы исторического образования; середина 50-х годов – пересмотр положений, связанных с культом личности (заметим, что как и в конце XX века изменения в науке стали следствием изменений в политике); рубеж 70-80 годов – новый взгляд на природу социально-экономических формаций [1, с. 81].

Причины кризиса отечественной исторической науки Кузищин, однако, видит не в методологических исканиях, а в вульгарной актуализации истории: "Исторические события и исторические деятели самым широким образом используются в интересах сегодняшней ситуации, современных партий, движений и различных "фронтов". История фактически переписывается с точки зрения конъюнктурных и, как правило, в узкопартийных или националистических целях" [1, с. 82].

Но пристрастное толкование исторических событий в политических целях, как и методологические искания, характерны не только для нашей страны. Сейчас это очень заметно в странах, появившихся после развала СССР, но происходит это и в странах Запада, что, например, проявляется в желании преуменьшить роль Советского Союза в победе над нацистской Германией. И там это не считается показателем кризиса исторической науки. Позиция Кузищина, не считающего причиной кризиса отечественной исторической науки проблему кризиса методологии в изучении исторических процессов, является исключением на фоне мнений многих других учёных.

Подавляющее большинство учёных считает очевидными изъяны марксистско-ленинской методологии истории с её формационным подходом, что и привело к её кризису. В чём же заключаются недостатки марксистско-ленинской методологии, кризис которой повлёк за собой и кризис всей отечественной исторической науки, построенной на её догмах? Приведём ниже критические оценки этой методологии со стороны некоторых отечественных учёных.

А.Я. Гуревич сформулировал их так: крен в историю хозяйства, политических и правовых институтов, уход в плоскую описательность без серьёзного раскрытия глубинного и событийного смысла, традиционализм в постановке проблем и невнимание к культурной и духовной жизни общества и несоответствие марксистской методологии современному уровню развития науки [2].

На международной конференции в Москве в октябре 1990 года профессор М.А. Барг отметил, что за границами формационного анализа находятся многоукладность и многовариантность развития, деятельность и роль слоёв, не входящих в рамки противостояния двух основных классов значительная часть духовной жизни [7, с. 6].

Серьёзнейшим ударом по формационному подходу стал крах коммунистических режимов в большинстве стран. Это дало возможность учёным называть этот подход утопичным. "Формационная концепция, – пишет А.А. Радугин, – предполагает неизбежность развития исторического процесса от бесклассовой первобытно-общинной через классовые – рабовладельческую, феодальную и капиталистическую – к бесклассовой коммунистической формации, тогда как большинство народов ныне отказалось от строительства коммунизма" [7, с. 24].

А.Н. Поляков также пишет о последствиях политических изменений для марксистской методологии: "Историки-марксисты не могут вот уже 10 лет оправиться от шока после гибели СССР, с которым рухнули и надежды на светлое коммунистическое будущее. Крах коммунистического режима кажется необъяснимым с точки зрения марксистской теории" [7, с. 4]. Поляков говорит о том, что формационный подход предполагает прогресс в историческом процессе. И каждая следующая формация прогрессивна по отношению к предыдущей, а регрессивные процессы признаются временными и не влияющими существенно на историческое развитие. "И вот вместо обещанного коммунизма в России вновь наступил капитализм, причём в более дикой форме, нежели он был до революции 1917 г. Из методологии Маркса стали выпадать важнейшие её составляющие - учение о неизбежности возникновения коммунизма и учение о классовой борьбе" [7, с. 4]. Поляков пишет о неубедительности формационного подхода после потери его завершающего звена.

Об этом же пишет и Н.Н. Болховитинов: "...старая марксистская парадигма с её простой и чёткой формационной периодизацией рухнула или во всяком случае сильно скомпрометирована. "Собор" истории лишился "купола" (т.е. высшей коммунистической формации). Возникли огромные трещины и в самом его фундаменте, что угрожает развалом всего здания" [1, с. 49].

Главным недостатком формационного подхода Болховитинов называет то, что основное внимание уделяется производству и производственным отношениям, войнам и революциям, что, по его мнению, ошибочно, а уровень развития должен определяться положением человека, его правами и свободами. И самое совершенное в техническом отношении общество, на взгляд Болховитинова, не может считаться развитым, если отсутствует демократия [1, с. 49].

Торжество демократии и прав человека он видит в странах Западной Европы и США, но эта позиция далеко не бесспорна, и даже далеко не все жители упомянутых стран согласятся с таким утверждением. Критерии уровня демократичности общества весьма субъективны и очень сильно зависимы от пристрастий того, кто оценивает, насколько в исследуемом обществе свободен человек. Такой подход может быть не менее политизированным чем формационный. Только он будет выполнять свою идеологическую функцию не для коммунистических режимов, а для режимов государств, провозглашающих себя демократическими. И ведь мы видим, как, прикрываясь желанием принести демократию угнетённым народам, развязываются войны, как это произошло в Ираке, оказывается давление на неудобные государства под предлогом нарушения в них прав и свобод человека, как очень часто происходит по отношению к России, Китаю, Белоруссии и другим. При этом игнорируются нарушения этих самых прав и свобод в странах с удобным для западных держав руководством, что происходит, например, в случае с притеснением русского населения в Прибалтике. Историография с таким субъективным подходом, какой предлагает Болховитинов, очень удобна для обоснования прогрессивности и справедливости строя, господствующего в странах Запада по отношению к другим государствам. И Болховитинов в своей теории во многом исходит из политических предпочтений.

Представляется, что подход, предложенный Болховитиновым, не сможет стать ведущим, и завершить поиски новой методологической базы для отечественной историографии, так как очень проблематично разработать объективные критерии оценки уровня демократии и свободы в различных обществах. И общества западных стран не смогут стать мерилем для обществ с совершенно другими менталитетами, традициями и религиями.

Критикует Болховитинов и периодизацию всемирной истории, сложившуюся в советской науке, где точками отсчёта стали войны и революции. Это на его взгляд неверно, а правильнее вести отчёт от событий менявших представления людей о мире и роли в нём человека. Такими событиями Болховитинов называет Великие Географические открытия, создание Коперником гелиоцентрической системы, эпоху Возрождения, поставившей в центр Вселенной человека и сформировавшей на взгляд Болховитинова правильные представления о мире у человечества, начало развития капиталистических отношений [1, с. 49-50].

Безусловно, события, предложенные Болховитиновым можно использовать в качестве важнейших этапов периодизации, но нельзя отвергать и значимость войн с революциями. Периодизации истории могут быть различными, всё зависит от того, что брать за их критерии: социально-экономические отношения, религию, уровень научного развития, представления о мире, форму политического правления и так далее. И все они имеют право на жизнь.

Болховитинов критикует советскую историографию и за недооценку в ней, на его взгляд, роли религии в исторических процессах. Религия, по мнению Болховитинова, при этом иногда была важнейшим фактором. Он это обосновывает на примере значения трёх основных ветвей христианства на развитие различных регионов: "...легко заметить, что страны, где преобладал протестантизм – Англия, Голландия, США, достигли самого высокого развития. Страны, где преобладал католицизм - Испания, Португалия, Латинская Америка, Италия, отставали от своих более удачливых соседей, а Восточная Европа, включая Россию, Сербию и Черногорию, где господствовало православие с его рабованием перед государством, оказались в последнем ряду развитых стран христианского мира" [1, с. 50].

Протестантизм, конечно, сыграл значительную роль в развитии капитализма, что обосновал М. Вебер. Но трудно согласиться с тем, что страны Латинской Америки были более развитыми, чем дореволюционная Россия. Да и утверждение, что по вине православной веры Россия отставала от ведущих капиталистических держав весьма спорное. И подход, говорящий об ущер-

бности самой многочисленной конфессии в нашей стране по отношению к другим течениям христианства, да и называющий любую другую конфессию непрогрессивной, некорректен и поэтому не подходит для того, чтобы войти в школьные и вузовские учебники.

Подвергает Болховитинов критике и то, как К. Маркс описал первоначальное накопление капитала. По его мнению, Маркс всё упростил и свёл к разбою и спекуляции [1, с. 50].

Не согласен Болховитинов и с постулатом советской историографии о том, что революции – "локомотивы истории". На его взгляд, гораздо большую и при этом позитивную, а не разрушительную роль сыграли реформы. И развитие человечества в XX веке шло через либеральные реформы, такие как "Новый курс" Рузвельта и "план Маршала", а не революции, хоть их было и много, и они имели огромные масштабы и последствия [1, с. 50].

Действительный член РАН И.Д. Ковальченко писал, что отечественная методология претендовала на универсальность: одно положение считалось абсолютной истиной, другое – отвергалось, что приводило к примитивизации исторического процесса в виде догм [1, с. 61].

Согласен с ним А.А. Искендеров, который считает, что "современный кризис марксизма в первую очередь связан с тем, что он претендовал на всеобщность и благодаря этому превратился по сути дела в закрытую теорию, оторванную от реальных процессов общественной жизни, а также и от достижений смежных общественных наук" [1, с. 46].

По мнению Искендерова, марксистская методология сузила содержание исторического процесса, сведя его к классовой борьбе, "а историческое познание связывая главным образом с классовым подходом и классовыми оценками социальных движений и деятельности исторических личностей" [1, с. 46], что заполнило историю войнами с революциями, но оставило неисследованными остальные сферы жизни общества [1, с. 46]. При этом Искендеров считает, что марксизм свёл роль человека в истории к производству материальных благ.

Доктор исторических наук В.А. Дьяков считает, что Маркс и Энгельс "создавая свою доктрину и используя её для оценки исторического развития, не всегда отделяли мировоззренческую сферу от идеологии и политики" [1, с. 95]. А их ученики, по мнению Дьякова, пошли ещё дальше в идеологизации истории. В результате происходили подмены объективных научных выводов, удобными для идеологии.

Дьяков критикует марксизм за то, что он "...необоснованно преувеличивал уровни капитализма, завышал численность и значение пролетариата, выпячивал классовые интересы, внедрял убеждение в том, что социально-экономические факторы всегда и везде имеют решающее значение, а революции во всех случаях предпочтительнее реформ" [1, с. 95-96].

При этом Дьяков абсолютно справедливо отмечает, что при всём вреде, который принёс марксизм, особенно его догматические варианты, насаждавшиеся в социалистических странах, исторической науке, результаты исследований учёных, работавших в рамках марксистской методологии представляют безусловную ценность [1, с. 95].

Как мы видим, Дьяков чётко разделяет марксизм и его разновидности, господствовавшие в исторических науках социалистических стран. Об этом же говорят и многие другие исследователи, в том числе и доктор исторических наук В.П. Данилов. Он называет вариант марксизма, господствовавший в нашей науке, сталинско-брежневским [1, с. 101]. Данилов отмечает, что эта догматизированная версия марксизма задержала в нашей науке его развитие на полвека, в то время как на Западе, где не было ни насаждения марксизма, ни его искоренения, он всё это время развивался. Но работы западных историков-марксистов не могли влиять на отечественную науку, так как считались опасной ересью. Данилов называет имена зарубежных учёных, развивавших марксистскую теорию, чьи произведения были практически недоступны отечественным исследователям: Т. Адорно, К. Корш, Ж.-П. Сартр, Г. Маркузе, Р. Мик, Ю. Хабермас, Э. Хобсбаум, М. Фуко, М. Перло-Понти, Р. Уильямс, а также А. Грамши и Д. Лукача, публикации которых на русском языке были неполными и малодоступными [1, с. 101]. Данилов считает, что именно из-за того, что не все учёные знакомы с трудами этих авторов, "кому-то представляется, что развенчание "марксоидных" произведений официальных партийных идеологов вроде М. Сулова, П. Поспелова, С. Трапезникова и др. равнозначно развенчанию марксизма. Оши-

бочность такого понимания раскрылась бы сама собой в условиях свободного развития научной мысли, предполагающего широкие возможности для самых различных научных направлений, включая и марксистские" [1, с. 101].

Поэтому, когда мы говорим о причинах кризиса отечественной исторической науки, правильнее называть важнейшей причиной этого кризиса недостатки особой формы марксистской методологии истории, господствовавшей в нашей стране, а не марксистской. Эту методологию чаще всего называют марксистско-ленинской.

Недостатки этой методологии с её формационным подходом, делением общественной жизни на базис и надстройку очевидны большинству учёных, но встаёт вопрос о том, что же делать с этим наследием советской науки. Полностью отказаться от формационного подхода, заменив его другим? Модернизировать формационный подход, сделав его более гибким? Споры о том, каким путём следует выходить из методологического кризиса, в котором оказалась отечественная историческая наука, не утихают.

Данилов выступает против огульного отрицания марксизма как научной теории, считая, что это нанесёт развитию науки огромный вред. Ссылаясь на высказывания двух видных, но различных по своим взглядам учёных – К. Поппера и Т. Шанина, говорящих об огромном значении теории Маркса, он обосновывает, что марксизм сыграл заметную роль в развитии науки [1, с. 101].

По мнению Кузищина материалистическое понимание истории и после потери своего монопольного положения "занимает и будет занимать одно из мест в многоцветьи исторических учений, и целый ряд её элементов, особенно в анализе социально-экономических отношений, будет в той или иной форме инкорпорирован в общее здание современной историографии и методологии истории" [1, с. 84].

А.А. Искендеров считает, что не следует пытаться разработать одну всеобъемлющую теорию, универсальную для всех времён и народов. Это он называет изначально неправильным подходом, который существовал в отечественной исторической науке. "Сосредоточение исследователя на одной, пусть даже представлявшейся ему наиболее прогрессивной, концепции, сопровождавшееся заведомым, чаще всего предвзятым, отторжением всех других подходов, противоречащих избранному им изначально, – пишет Искендеров, – неизбежно приводило к тому, что в его исследовании отсекались целые пласты исторической реальности, не поддающиеся втискиванию в рамки единой теоретической схемы" [1, с.45].

У Искендерова нет сомнений, что ни одна теория, претендующая на монополию, не способна выдержать испытание временем. Поэтому необходим синтез методов различных теорий.

И.Д. Ковальченко считает, что историкам необходимо разработать новые концепции, отражающие проблематику исследований. Но начать нужно с фундаментальной оценки того, что уже имеется в методологии истории. На взгляд Ковальченко, это до сих пор не сделано, и даже М. Вебер ещё не оценён должным образом как историк [1, с. 61].

Историки, по мнению Ковальченко, не должны идти по пути полного отказа от какой-либо теории, чтобы заменить её другой, а нужно стремиться синтезировать всё, что накоплено в области методологии истории. "Любая теория содержит какое-то рациональное зерно. Любой метод для чего-нибудь да хорош" [1, с. 61].

Ковальченко говорит о том, что и социально-классовый и формационный подходы должны найти своё место в истории, что в историческом процессе взаимосвязаны единичное, особенное, всеобщее. Поэтому применимы и социально-классовый и общечеловеческий подходы, в зависимости от исследуемого сюжета и стоящих перед исследователем целей [1, с. 61].

Ковальченко, также отмечает, что в нашей историографии доминировал ретроспективный, а не ситуационный подход, что приводило к насильственному втискиванию фактов в схемы. Но, по его мнению, без таких перегибов ретроспективный подход необходим [1, с. 61].

Дореволюционный историк Н.И. Кареев делил науки на идиографические и номологические. Идиографические занимаются изучением явлений единичных, индивидуальных, а номологические – изучением общего и определяют закономерности. Из наук, изучающих общество, к первым относится история, а ко вторым – социология, причём обе науки находятся в тесном взаимодействии друг с другом [5, с. 220-223].

Опираясь на эту теорию, профессор И.В. Пьянков говорит, что цивилизационный подход, как подход индивидуализирующий, очень подходит для истории как науки идиографической. Ведь "цивилизации характеризуют историю человечества не только в горизонтальной плоскости, или по оси пространства: они имеют и локальные, и временные рамки, а их своеобразие обусловлено наряду с прочим и стадийным уровнем" [9, с. 15].

И.В. Пьянков отмечает, что формационный подход в том виде в каком он применялся в советской науке, также был индивидуализирующим, но он гораздо менее обоснован. Периоды всемирной истории слишком европоцентричны, а в советской историографии, по мнению Пьянкова ещё и имели наивную телеологическую окраску [9, с. 15].

Формационный, обобщающий подход Пьянков считает методом социологии, как номологической науки, а в истории применимы его результаты как вспомогательное средство на заключительном этапе исследования. Но эти результаты сейчас ещё не могут быть абсолютно надёжны [9, с. 15].

Вероятнее всего, ни в нашей науке, ни в зарубежной учёные не сойдутся во мнении, какой подход является наилучшим для исторических исследований. И историку лучше всего выбирать для исследований те подходы и методы, которые наилучшим образом помогут ему достичь поставленных целей данного исследования. А конкуренция различных школ в условиях свободного выбора методологии должна стимулировать развитие науки, способствовать разработке новых концепций. И когда в нашей исторической науке появятся сильные школы, способные разрабатывать свои методологические приёмы, которые смогут наравне конкурировать с лучшими разработками зарубежных учёных, можно будет с уверенностью говорить о преодолении кризиса.

Литература

1. Актуальные проблемы теории истории (Материалы "круглого стола". 12 января 1994 г.) // Вопросы истории. 1994. № 6.
2. Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. №11.
3. Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. №4.
4. История России (Россия в мировой цивилизации) / Под ред. А.А. Радугина. М. 1997.
5. Кареев Н.И. Теория исторического знания. СПб., 1913.
6. Логунов А.П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии. М., 2001.
7. Поляков А.Н. К проблеме общественных формаций // Вопросы философии. 2003. №6.
8. Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. №7.
9. Пьянков И.В. К вопросу о формационном и цивилизационном подходах // Метаморфозы истории. Вып. 2. Псков. 2002.
10. Хачатурян В.М. Проблемы изучения сравнительной истории цивилизаций // Преподавание истории в школе. 1991. №5.